

гонили. Когда Иванъ ушелъ отъ нихъ опять въ садъ, выложилъ скатертку-самолётку и клубочикъ, пришли эти дѣвки, клубочикъ купили съ тѣмъ, чтобы ему съ Машенькой ночь проспять. Онѣ Машеньку опять пьяную напоили и спать повалили и булавамъ у Машеньки платье къ постелѣ приколотили, и Иванушко легъ опять съ Машенькой, а Машенька опять пьяная, онъ будилъ да плакалъ, разбудить не могъ. Опять ночь прошла, Иванушка опять прогнали, а Машенька когда разбудилась, стала допытываться. Этотъ Ванюшка опять въ садъ скатертку послѣднюю продавать, и пришли дѣвки покупать скатертку, и продавъ Ванюшка за то, чтобы ночь съ Машенькой спать. Когда Машеньку стали поить, то она будто пьетъ, а сама въ рукавъ льетъ, она притворилась пьяная и повалили съ Ванюшкой спать. Ванюшка заплакалъ и говоритъ: „какъ я до тебя доступалъ, три просвиры сглодалъ и три трости желѣзные изсподпиралъ“, какъ вдругъ одна слеза попала Машенькѣ на лицо, она пробудилась, сразу воровски вышли и кольцо съ руки на руку перекинули и оказались дома, и у Ванюшки опять домъ сталъ хорошій. Царь увидавъ, что и мосты хрустальные и сукномъ устланные и бѣгаетъ карѣта-самоката, царь обрадѣлъ, сѣлъ на карѣту и прѣхалъ къ зятю и дочери, и сдѣлали пиръ на весь міръ.

Кадниковскій у. 1907 г.

36. Солдатикъ, Марья царевна и нехорошій.

Одинъ солдатикъ служилъ двадцать пять лѣтъ. Вдругъ приходитъ полковникъ и говоритъ: „тебѣ завтра разсчитать“. Солдатикъ и говоритъ: „а много-ли мнѣ дадите?“ Полковникъ говоритъ: „двадцать пять палокъ“. Солдатикъ проситъ: „денегъ дай“. Полковникъ: „не дамъ, двадцать пять разъ желѣзнымъ прутомъ охлестну, а денегъ не дамъ“. Солдатикъ пошелъ изъ казармы и говоритъ: „прости, казарма матушка, я въ тебѣ двадцать пять лѣтъ служилъ“, идетъ дорогой, а денегъ нѣтъ и думаетъ, чтобы меня теперь хоть нехорошій позвалъ, такъ я и то-бы пошелъ, и

вдругъ попалъ нехорошій встрѣчу и говоритъ: „вставай на ногу“. Солдатъ говоритъ: „не встану“. Нехорошій спрашиваетъ: „а ты теперь чего говорилъ?“ Солдатъ говоритъ: „ничего!“ „Ну, такъ ничего, вставай“. Солдатъ всталъ нехорошему на ногу, когда солдатъ всталъ на ногу, очутился въ дому большомъ. Нехорошій сказалъ солдату: „въ этихъ двухъ комнатахъ бѣгай, а въ эту третью не ходи“, а комната мычкомъ заперта, а солдатъ не послушалъ и зашелъ въ комнату, а тутъ на углу сидитъ проклятая дѣвка, эта дѣвка говоритъ: „зачѣмъ ты, солдатикъ-дурачекъ, сюда зашелъ?“ Дѣвка сказала: „вонъ въ заднемъ углу столъ есть, хлѣба краюшка да денегъ рубль да и бѣги, станетъ нехорошій кричать, а ты бѣги, не обвертывайся“. Этотъ солдатикъ бѣжитъ, не обвертывается, а нехорошій кричитъ: „почто ушелъ, обернись, у меня живи“, а солдатикъ бѣжитъ, не обворачивается, шелъ да шелъ, въ одной избушкѣ выпросился ночевать и легъ подъ соштокъ и спитъ, и вдругъ идетъ подъ окномъ барыня богатая, денегъ страсть, и кричитъ: „нѣтъ-ли у васъ охотника играть въ карты?“ Этого ночлежника разбудили, говорятъ: „не станешь-ли играть въ карты?“ Онъ говоритъ: „стану“. Стали играть, солдатъ у барыни всѣ деньги выигралъ. Барыня хозяину говоритъ: „не опускайте этого ночлежника“. Ночлежника не опустили, а барыня идетъ другой разъ и стали играть; барыня опять проиграла и наказала, чтобы еще не опускали. Она пришла; опять стали играть; барыня выиграла все, и тотъ рубль проигралъ солдатъ и пошелъ дорогой и вышелъ къ морю и колонулъ въ камешокъ о камешокъ, вдругъ выскочилъ Антошка на одной ножкѣ, спрашиваетъ: „что солдатикъ надо?“ Солдатикъ сказалъ: „поѣсти надо“. Вдругъ нехорошій принесъ ѣжи. Солдатъ наѣлся. Антошка остатки снесъ опять назадъ. Пошелъ дорогой, подходит къ дому, зашелъ въ домъ, просится ночевать; говорятъ: „ночуй“. Онъ сѣлъ на соштокъ, говоритъ: „развѣ закурить съ горя“, колонулъ камешокъ о камешокъ, и выскочилъ Антошка на одной ножкѣ, говоритъ солдатъ Антошкѣ: „гляди-ко, сколько на насъ войско-то“... Антошка говоритъ солдату: „ты одѣвайся въ царскую одежду, а я генераломъ“—и пошли они оба улицей. Кто въ окошко смотрятъ, говорятъ: „кланяйтесь царю и

генералу“, а войска ушли. Опять пришли на квартиру и раздѣлись. Солдатикъ одинъ опять пошелъ въ дорогу съ косаремъ. Идетъ онъ дорогой, попадають ему на встрѣчу двѣнадцать разбойниковъ, одного схватилъ, передняго, и дуется косаремъ, а онъ кричитъ: „пристаньте, здѣсь одинъ!“, а тѣмъ чуется „двадцать одинъ“, тѣ и думаютъ, чего намъ дѣлать, тамъ эстолько народу; такъ солдатъ дуется этого, а тѣ одиннадцать убѣжали. Солдатикъ снялъ съ разбойника колечко, а это колечко съ руки на руки перекинуть, такъ сзади дѣвка бѣжитъ. Этотъ солдатикъ идетъ, сзади бѣжитъ дѣвка, дѣвка бѣжитъ и говоритъ солдату: „я отъ тебя не отстану“. Солдатъ говоритъ: „да у меня нѣтъ не дому, не лому“. Пришли къ себѣ въ деревню, построили келейку, стали жить, а у нихъ ничего на другой день не будетъ ѣсти. Дѣвушка, звали ее Машенькой, стала посылать купить аршинъ полотна, два клубочка шелку. Принесъ солдатъ аршинъ полотна, два клубка шелку; сказала Машенька солдату: „молись Спасу, ложись спать, утро вечера мудрѣня“. Солдатъ легъ спать, а Машенька стала вышивать, вышила платочикъ и будить солдата: „вставай, не время спать“. Онъ всталъ и пошелъ продавать. Пришелъ къ церкви, генераль далъ четыреста рублей. Купилъ два клубочка шелку и аршинъ полотна и пришелъ домой, сказалъ это Машенькѣ. Купили муки; стало чего ѣсти. Солдатъ опять спать легъ; поутру будить: „не время спать, пора вставать“. Онъ всталъ, а ночью Машенька вышила платочикъ. Солдатикъ понесъ царю. Того дня у царя дочи имянинница, царю подарилъ платочикъ.

Солдатикъ ушелъ домой. Царь пришелъ къ генералу и зоветъ: „пойдемъ у солдата жену смотрѣть“. Они пріѣхали, а солдатикъ колетъ дрова, пріѣхали подъ окно, царь и говоритъ Машенькѣ: „покажись, матушка“. Она показалась, царь такъ и свалился отъ ея красоты, царю захотѣлось къ себѣ заманить и сталъ солдатика посылать: „сходи туды—не знаю и куды, а принеси то—не знаю что“. Пришелъ солдатикъ въ избу, запечалился. Машенька говоритъ: „не тужи, принеси два аршина полотна, два клубочка шелку“, и стала вышивать полотенцо. Взялъ Иванъ полотенцо и пошелъ туда -- не знаю и куда, впередъ опустилъ клубочикъ, куда клубочикъ катится, и онъ туда

идеть. Пришелъ къ дому, а въ этомъ дому жила Машенькина сестра. Когда солдатикъ проспалъ ночь, всталъ утромъ и сталъ утираться, эта хозяйка увидала полотенце и говоритъ: „за тобой сестра моя Машенька, а ты куда пошелъ?“ „Меня послалъ царь туда — не знаю и куда“ „Ну, ступай“, и катнула клубочикъ и говоритъ: „иди, куда катится и ты иди“. Идетъ солдатикъ, пришелъ къ дому и въ домъ; ночевалъ; сталъ утромъ утираться, хозяйка узнала по полотенцу, то и сказала: „что иди дальше, есть мой отецъ“. Пришелъ въ избушку, въ избушкѣ двѣнадцать столовъ и на каждомъ столѣ по горшку и по ложкѣ. Солдатикъ изо всѣхъ двѣнадцати горшковъ хлѣбнулъ и улѣзъ подъ печку. Потомъ идутъ разбойники, всѣ и закричали: „въ моемъ горшкѣ похлѣбано“, а другой кричитъ: „и у меня похлѣбано“. Всѣ эхъ! и кричатъ: „давайте искать, кто у насъ хлѣбалъ“, и нашли подъ печкой; когда онъ вылѣзъ и хотѣли его убить, онъ говоритъ: „постойте, дайте мнѣ вымыться и утерется, на всѣ четыре стороны поклонится и съ женой простится“. Когда сталъ вытираться, одинъ парень увидалъ и прочиталъ на полотенцѣ, сказалъ отцу, что зять пришелъ. Старикъ пришелъ, спросилъ: „ты куда?“ Отвѣчаетъ солдатикъ: „царь послалъ туда — не знаю и куда, принести то — не знаю и что“.

Старикъ подарилъ ему трость, а въ трости нехорошій — Филипко. Солдатикъ и пошелъ, пришелъ къ рѣкѣ, переѣхалъ, а этотъ Филипко перебѣжалъ, какъ и по дорогѣ. Стоитъ на берегу мужикъ, а солдатикъ сказалъ Филипку что: „сдерни съ него голову сейчасъ“; Филипко сдернулъ голову, а мужикъ стоитъ безъ головы. Солдатъ сказалъ: „изладь, Филипко, голову“. Мужикъ заругался и пошелъ. Солдатикъ сказалъ: „сними, Филипко, съ него голову и брось въ воду, какъ онъ ругается“. Филипко сдернулъ голову и бросилъ въ рѣку, и пошли дорогой, пришли къ царю въ комнату, тутъ сидитъ царь и генералы. Солдатъ сказалъ: „Филипко, сдерни съ нихъ головы“. Филипко сдернулъ. Солдатъ велѣлъ надѣть. Филипко надѣлъ. Царь и генералы заругались, за что они сняли головы. Солдатъ сказалъ Филипку: „сними съ нихъ головы и брось за окошко и пойдѣмъ“, и пошли домой, и Машенька дома; она была у царя и нездоровая, пока-

мѣсть ходилъ солдатъ въ дорогу, а Машенька-то была дочь морскаго царя. Коточигъ да палочка, вся и сказочка.

Кадниковскій у. 1907 г.

37. Золотые парнеки.

Жилъ купецъ да купчиха, у нихъ былъ одинъ сынъ Иванушко; и надо Иванушку женится, и пошелъ выбирать невѣсту, вѣздѣ переходилъ, негдѣ не нашелъ и думаетъ, что пойду еще по килейкамъ; онъ сколько ходилъ, по мыслѣ не нашелъ.

Онъ пришелъ къ килейкѣ подъ окошко, въ килейкѣ были три дѣвки, онѣ слышали, что Иванушко прибираетъ невѣсту, эти дѣвки и говорятъ, большая сказала: „меня-бы взялъ, такъ всю Россію-бы одной иглой-бы обшила“, а другая сестра говоритъ: „а меня-бы взялъ, я-бы всю Россію однимъ-бы зернышкомъ прокормила“, а меньшая сказала: „меня-бы взялъ, такъ я-бы родила девяти парнековъ по локоть руки въ золотѣ, а по колѣнъ ноги въ серебрѣ, а въ лобу красно солнышко, а во очахъ свитѣль мѣсяць“. Этотъ Иванушко и услышалъ и пошелъ домой, рассказалъ отцу, отецъ сказалъ: „возмемъ за тебя эту, которая родитъ девяти парнековъ“, и послали сватомъ. Пришелъ сватунъ къ этимъ дѣвушкамъ и спрашиваетъ: „которая говорила, что принесу девяти парнековъ?“ И сказали, что меньшая, Машенька. Высватали и взяли Машеньку за Ванюшку замужъ. Порядочно пожили, эта Машенька стала въ тягостяхъ и родила трехъ парнековъ по локоть руки въ золотѣ и по колѣнъ ноги въ серебрѣ, а въ лобу красно солнышко, а въ затылкѣ — свѣтель мѣсяць, а въ бавшки созвали ягу-бабу. Ягѣ-бабѣ надо перевести эту Машеньку, а отдать за Ванюшку свою дочь. Эта бавшка взяла этихъ парнековъ, снесла на болото подъ колодину, а въ то время принесла собака щенковъ, бавшка взяла трехъ щенковъ и положила къ Машенькѣ, а сама сказала Иванушку: „твоя жена принесла не парнековъ, а щенятъ“.